

ОБРАЗОВАНИЕ: СТРАТЕГИЯ ПРОБЛЕМЫ

Арон А. Брудный, доктор философских наук, профессор
Американский Университет в Кыргызстане.

Герберт Дж. Уэллс, рисуя идеальное устройство человеческого общества, выдвинул девиз “Наше образование и воспитание – вот наше правительство”. В сегодняшнем мире, который перестал быть биполярным, надо надеяться, утвердился девиз “наше образование – это всемирное правительство”. Я имею в виду растущее число международных университетов и реальную тенденцию к интеграции образовательных программ.

В современном образовательном процессе все более отчетливо прослеживается общее направление к позитивной интеграции образования и воспитания (на основе свободы мысли), сближения цивилизации и природы (на конструктивно-экологической основе) и, наконец, срастания этнокультурных ценностей с ценностями мировой культуры. В современном образовании передача знаний от одного поколения к другому играет существенную, но все же не господствующую роль: главное место занимает развитие духовных и физических возможностей студента. Иначе говоря, раньше образование было обращено лицом к прошлому и его достижениям, а в настоящее время оно нацелено на будущее учащегося, на синтез его личной неповторимости с профессионализмом.

При этом важнейшее значение в образовании и воспитании продолжает иметь общение, точнее, двоякого рода общение:

- 1) с ведущими преподавателями и
- 2) со сверстниками, обучающимися вместе, в одном учебном заведении. Но это идеал. Идеал потому и называется идеалом, что еще не осуществлен в настоящем. Согласно Н. Дж. Смэлзеру в процессе обучения не только передаются, но и навязываются определенные культурные ценности (например, стремление

к конкуренции и уважение к власти) – но при этом содержание обучения не всегда соответствует подлинным интересам учащихся. Действительно, основная функция образования состоит в передаче господствующих в обществе ценностей культуры – в той форме, в какой их понимание доступно руководящему общественному меньшинству. Так, например, обществу переходному от государственно-монополистического социализма присуще повышенное внимание к юридическим специальностям, экономическим профессиям в широком смысле слова (от управления бизнесом до бухгалтерии), а также к профессиональному участию в международных отношениях. Значителен интерес и к public administration. Хотя общепризнано, что нет науки стать богатым (нет даже науки выйти замуж за богатого), образование продолжает выполнять роль социального фильтрующего устройства, то есть оно способствует распределению людей на различных уровнях в соответствии с их достоинствами. При этом предполагается, что образование должно быть доступно населению – по крайней мере, вне зависимости от этнической принадлежности и пола. Ясно, что оплата высшего образования ставит заметные преграды и для способных абитуриентов и студентов. Согласно теории человеческого капитала образование не является чем-то непосредственно потребляемым, это скорее всего капиталовложение в будущее студента. Естественно, что родители предпочитают эффективные вложения в развитие природных способностей их детей. Здесь возникают некоторые основания для противоречивых суждений о реальной ситуации, ибо аналитики Всемирного банка продолжают настаивать на эффективности вложений в естественно-научное и инженерно-техническое образование, в то время как

скорейшей отдачей обладает торговый капитал и его эффективность в плане личного обогащения временами просто бросается в глаза.

Но у образования имеется и символический аспект: диплом одного университета считается более престижным, чем диплом другого, одна специальность может иметь более высокий статус, нежели другая. В литературе, посвященной образовательным проблемам США, можно найти немало материала, свидетельствующего о европейском статусе профессий врача и юриста. О различии в престиже образовательных профилей свидетельствуют и некоторые данные, приводимые в национальных отчетах по человеческому развитию, издающихся в Кыргызстане, уже на протяжении ряда лет. Многим памятно, как вырос в конце 40-х – начале 60-х гг. престиж профессии физика-теоретика, а статус представителей гуманитарных дисциплин параллельно снизился; затем он вновь возрос.

Институциональный статус образования в обществе зависит от менталитета и традиций этнического ядра нации. В этой связи следует особо подчеркнуть, что в Кыргызстане престиж образования традиционно весьма высок, причем представители старших возрастных групп (от которых фактически зависят представители младшей возрастной страты) признают значение и теоретических знаний, а не только тех, которые могли бы сразу практически пригодиться студенту по окончании учебы.

Еще Эмиль Дюркгейм заметил, что образование никогда не бывает совершенно одинаковым для представителей различных социальных групп – и это связано не только с возможностями оплаты за обучение, но и с традиционными ценностями. Конечно, бесплатное образование до известной степени выравнивало возможности поступающих в вузы, но всем известно, что вступительные экзамены не всегда являли собой образец объективности.

Объясняется это не только различием в степени влияния, которым обладают отдельные лица и общественные слои. Теория соци-

альных пространств исходит из предположения, что они не аналогичны по функциям и устройству. Более того, перенесение принципов и навыков деятельности из одного пространства в другое не всегда возможно. Так, непосредственная (личная) оплата товаров и услуг необходима и желательна в пространстве рыночной их реализации; напротив, перенесение подобных навыков в пространство управления обществом может обернуться коррупцией. Сложность индивидуального человеческого бытия зависит, в частности, от того, что индивид проходит через ряд социальных пространств, причем в одном (например, производственном) он получает вознаграждение за труд, в другом реализует полученные средства в форме получения услуг, в третьем удовлетворяет свои духовные потребности, участвуя в отправлении культа вместе с другими верующими и т. п.

Участие в жизни общества напрямую связано с прохождением через образовательное пространство. В цивилизованных странах это даже обязательно. Но сложность проблемы состоит в том, что социальные пространства стыкуются по-разному. Пространство школьного образования вообще не слишком удачно стыкуется с образованием высшим – в этом пространстве иные методы преподавания, иной стиль поведения, иные ценности, а, главное – иные жизненные перспективы. Образовательные пространства транзитны по своей природе: у всякого образовательного курса есть свое начало и свое завершение, своя цель, которая и намечает пути выхода в иные пространства – производственное, государственно-управленческое, собственно рыночное и т.п. Университетское образовательное пространство обладает своей спецификой. Сейчас же понятия “высшая школа” и “университет” имеют тенденцию к отождествлению. Возможно, что в этом выражается общее направление развития высшего образования. Но она наметилась не сразу. Хочу привести обширную выдержку, характеризующую взгляды на этот вопрос С. Ю. Витте – одного из крупнейших государственных деятелей Российской империи (и, кстати сказать, основателя Санкт-Петербургского политехнического института). “Проходя курс в университете, а следовательно, живя извест-

ный период времени студенческой жизнью, я духовно весьма с ней сроднился и поэтому хорошо понимаю, что тот, кто сам не прошел курса в университете, не жил в университете, тот никогда не в состоянии правильно судить о потребностях университета, тот никогда не поймет, что означает “университетская наука”, т.е. не поймет разницу между университетом и высшей школой (хотя бы и прекрасной школой, как, например, наш лицей Царскосельский или Школа правоведения). Между тем разница эта весьма существенна, но для лиц, которые сами это не прочувствовали, она будет непонятна. Поэтому лица эти, будучи призваны решать дела, касающиеся университетов, решают их или по военному, или же становясь на ту точку зрения, что университет не есть университет, а школа. Между тем разница между университетом и школой заключается в том, что университет живет свободной наукой. Если университет не живет свободной наукой, то в таком случае он не достоин звания университета. Тогда действительно лучше обратить университет в школу, потому что школа все-таки тогда может давать деятелей с определенным запасом знаний, между тем как университет без свободной науки не даст людей ни с большими знаниями, ни с большим научным развитием. Вообще, не может быть с большим научным развитием человек, не прошедший и не познавший своим существом свободную науку. Когда стремятся университет поставить в тиски как в смысле лиц учащих, так и учащихся, те, которые к этому стремятся, не понимают, что таким путем наука развиваться не может. Без свободной науки не может создаться ни научных знаменитых произведений, ни научных открытий, ни знаменитостей. Университет, кроме того, представляет из себя такую среду для научного развития молодых людей, какую не может представить никакая высшая школа, потому что в университете преподаются все категории знаний, которые в данный момент составляют достояние человечества, и студенты живут в атмосфере этих знаний. Так, например, студенты математики специально занимаются только математикой, сдают они экзамены только по математике, но вместе с тем в течение всей своей жизни в университете они не чужды и всем остальным отраслям науки. Студент

с утра до вечера находится в среде студенчества, он постоянно сталкивается с различными мыслями и идеями, которые воспринимают студенты других факультетов. Так, например, я, будучи студентом математики, очень интересовался предметами юридического факультета. И если на каком-нибудь факультете появлялся талантливый профессор, то его лекции приходили слушать студенты других факультетов.

Таким образом, в течение всей университетской жизни (в течение 4 лет), если университет действительно удовлетворяет своему назначению, т.е. если в нем преподают свободную науку и преподают ее студентам, которые способны воспринимать эту науку, то, изучая предметы одной категории, студенты в то же время находятся в сфере наук всех категорий, которыми в данный момент обладает человечество. Поэтому правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития.” (Витте С.Ю. Избранные воспоминания. –М., 1991 –с.51-52)

Разумеется, есть и другие способы развивать науку, кроме как в стенах университетов. Существуют, например, Академии. Обладая, однако, значительным опытом работы в академических научных учреждениях, я всегда поражался различию в уровне научных исследований, выполненных в одном и том же институте. Серьезные труды соседствовали с совершенно слабыми, даже только похожими на научные, но не более. Поначалу я думал, что чего-то не понимаю и лишь много лет спустя с облегчением прочел и И. В. Бестужева-Лады: “Имитировать умственный труд гораздо легче, чем физический. Так вот, из всех видов умственного труда легче всего имитировать научный. Наука-сложная штука. Научную продукцию неразумно измерять объемом печатных листов и очень трудно – степенью действительно конструктивной новизны информации, которая обычно обнаруживается много позднее. Поэтому отличить подлинно научный текст от наукообразного, оценить сколько действительно времени потребовалось на его подготовку, удастся не всегда, а при формальных методах контроля почти никогда.” (Бестужев-Лада И. В. Мир нашего завтра. –М., 1986 –с.119)

Это абсолютно верно. Но в университете, где существует научное общение, в том числе и со студенческой молодежью, где свои концепции приходится выражать чаще и в доступной пониманию форме, наукообразие имеет несколько меньше шансов на продвижение в жизнь. Конечно, есть свои недостатки и в университетском развитии научного знания: ему мешает нехватка времени из-за постоянного участия в процессе преподавания, включающего ежегодные повторения, к сожалению, неизбежные. Традиция прошлых лет – оценивать труд университетского профессора в учебных часах – не способствует развитию науки.

Наиболее сложными из стратегических проблем образования были и остаются проблемы смысловые. Осознание масштабов и истинного знания изучаемой в университете научной тематики вызывает у студентов определенные затруднения. Вообще человек не может заранее с точностью знать, где ему пригодятся полученные в школе и университете навыки (см. в этой связи Крылов А. Н. Мои воспоминания. - Л., 1979. - с.73) А ведь смысл того, что человек делает, весьма зависит от того, зачем он это делает. А. де Сент-Экзюпери это выразил в очень ясной форме: “Мы хотим свободы. Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом ее ударе был смысл. Когда каторжник работает киркой, каждый ее удар только унижает его, но, если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя.” (Сент-Экзюпери А. Избранное. – Л., 1977-с.260) Иными словами, цель работы, если она осознана и нужна, способствует пониманию ее смысла. Между тем, понимание само по себе составляет важнейшую цель образования, и воля к пониманию – важнейшее качество, которое должно быть воспитано в студенте. Практика университетского образования еще в средние века столкнулась с тем, что процесс проверки полученных знаний основан на вспоминании студентом того, чему его учили. Иначе говоря, проверке подвергается память. Она связана и с пониманием и со смыслом, но все же эта связь недостаточна для того, чтобы профессура могла постоянно и эффективно развивать именно способность понимать. Развивая эту способность самостоятельно, студенты добиваются

определенных результатов, но не везде и не всегда. Одна из важнейших стратегических задач образования заключается именно в том, чтобы объединить возможности студентов и преподавателей университета в процессе развития понимания, как важного свойства мышления. Недаром самое слово “университет” имеет исходным латинский глагол “сворачивать воедино, вместе” в учебном заведении, образуют единую группу, объединенную волей к пониманию научных проблем. Университет представляет собой институционализированную форму обучения, в результате которого повышается уровень научных исследований, передаются знания и происходит личностный рост тех, кто в это обучение вовлечен. Представители школы “Анналы” определяют цивилизацию как равнодействующую нескольких сил и направлений: так и университет как стимул роста цивилизации можно определить как равнодействующую нескольких сил. Во-первых, это сила менталитета нации, во-вторых, это сила социальных требований, в-третьих, это уровень развития научного знания в каждую данную эпоху и, в-четвертых, это история самого университета. Он не может от нее оторваться, как не может человек отказаться от собственной юности. Равнодействующая этих сил непосредственно определяет лицо каждого университета страны. Следует предположить, что и финансирование университетского образования и науки есть производная традиции не в меньшей степени, чем экономического положения страны.

Университет предполагает наличие в его стенах различных факультетов, и это объясняется как разветвлением научного знания в процессе его поступательного развития, так и специфическими требованиями общества к образованным людям. Предполагается, что они причастны к науке: а наука это особая сфера деятельности. Ее определяющие особенности связаны именно с тем, что ее освоение придает человеку компетентность: высказываясь, он выступает уже не просто от своего лица, за ним стоит авторитетное, проверенное знание. Ведь наука есть, в сущности, единственная сфера деятельности, где иметь мнение и даже убеждение – недостаточно. Здесь нужно располагать доказательствами. Дока-

зательное, предметное, точно определенное, имеющее свою сферу приложения – вот какими качествами обладает подлинно научное знание. Сказанное подводит нас к ответу на вопрос, оправданы ли затраты на образование. Пресса в мире рыночной экономики не является достоверным источником информации: публикуются те данные, которые служат доводами в пользу конкретной точки зрения, отвечающей интересам владельца издания. Сверх того, недостоверные плоды воображения автора зачастую привлекают больше внимания, чем факты. Напротив, в мире образования “господин Факт” все еще являет-

ся хозяином, проверка эффективности образования проходит в мире фактов, а не мнений

Образование наделяет индивида весьма важным качеством: его суждениям можно доверять, его знания соответствуют действительности и даже позволяет строить правильные предположения относительно обозримого будущего. Принцип “*experto crede*” есть исходная позиция финансирования университетского образования: его продуктом являются люди, которым можно доверять, а на таких людях и строится организация и само существование открытого общества.